

Часть первая

Глава 1

— Понятно, — сказал Юра. — А как ты мечтаешь умереть?

Я усмехнулся и крутанул руль.

— Что за вопрос? Естественно, в канаве. Русский писатель обязан умереть в канаве. Как Толстой. Как Хлебников, Грин, Платонов.

Юра поморщился.

— Взрослый человек, двадцать один год — и до сих пор хочешь стать писателем?

— Стану обязательно. А потом — помру в канаве. Вонючим грязным бродягой.

— Да, это благородно, — сказал Юра, и его глаза сузились. — И чтобы хоронить тебя приехали дети и внуки на «роллс-ройсах».

— Именно так.

Стояли в небольшой, но плотной утренней пробке, у самого выезда на площадь Восстания, имея с правого борта огромную, в полнеба, гранитную глыбу сталинского высотного дома, а с левого — вереницу граждан, спешащих ко входу в метро. Еще левее тянулся длинный ряд ларьков, переполненных высококачественными и дорогостоящими западными товарами всемирно известных брендов: спирт «Рояль», сигареты «Магна» и так далее. На фоне обычного и вечного цвета моего города — серого всех его

оттенков — яркие глянцевые упаковки и блестящие этикетки словно светились изнутри. Купи и наслаждайся! Отдельно, более солидно — уже не в кривоватых сараюхах, а в магазинчиках с отдельным входом, потребителям предлагались электрические чайники и магнитофоны, а также их гибриды не менее престижных марок: «Мекасоник», «Акайва», «Панашарп»; все пестрело, все призывно мерцало всевозможными разноцветными огоньками, радовало глаз, победительно оттеняло унылый кирпич зданий и сулило немислимые наслаждения в процессе эксплуатации.

Однако обитатели большого города не торопились раскошелиться. Главным образом по причине отсутствия содержимого в кошельках. Обычное дело для тысяча девятьсот девяносто первого года.

Наблюдая обитателей через открытое окно машины (а кто в веселом месяце июне катается по городу с закрытыми окнами?), я очень их жалел. Особенно тех, кто постарше. На их глазах столица всемогущей коммунистической империи с завораживающей, ошеломляющей стремительностью превращалась в город желтого дьявола. То, что пять лет назад беспощадно клеймилось с красных трибун, со страниц книг, с телеэкранов, теперь всю торжествовало, бубнило клаксонами дорогостоящих лимузинов, шелестело рекламными разворотами в газетах, глумилось, звенело монетой, золотозубо ухмылялось, безостановочно ползло; сегодня обнаруживалось там, где еще вчера царила сонная тишина.

Теперь обитатели — девяносто из ста — имели на лицах печать тревоги и недоумения. Сейчас они угрюмо спешили на свои низкооплачиваемые работы.

А мы с Юрой свою уже сделали.

— Еще благородно — издохнуть на тюремной больничке, — продолжил Юра, закуривая. — От тубика или менингита.

— Дохнут животные, — сказал я.

— Бывает и люди дохнут.

Однажды мой друг попался на незначительной афере и год отсидел в Бутырке. Он находился на свободе двадцатый день. Когда он заговорил о больничке, его лицо стало злым и гордым.

Меня, привыкшего жать гашетку до упора, езда в пробке очень утомляла. Что может быть унижительнее, чем непрерывно манипулировать рычагами и педалями и при этом двигаться со скоростью пешехода? Я ведь не пешеход. Пешеходы — вон, бредут, опустив головы, а мы с Юрой льготно полулежим в креслах, расслабив спины и шеи, положив локти на нижние кромки окон, и рассматриваем окружающую действительность с превосходством.

— А как мечтаешь умереть ты?

Юра застеснялся.

— Представь: девяносто лет. Хрен не стоит. И вообще ничего не работает. Дышишь через раз. Пукаешь кефиром. И вот когда понимаешь, что уже — все, незачем дальше портить общий воздух, тогда идешь в самый грязный каба́к, в самый простонародный шалман. Заказываешь мяса и водки. Неторопливо ешь. Гоняешь туда-сюда халдея. И тем временем наблюдаешь за соседними столиками. Выбираешь самую стремную компанию самых что ни на есть конченных уродов — и посылаешь их всех на хуй! От души. Конкретно. Членораздельно. Словесно опускаешь. Выписываешь по полной программе. Дальше — махаловка, и тебе суют бутылочную розочку в живот... Скажи, сильно?!

— Сильно, — оценил я, в очередной раз продвигая машину на пару метров. — А завтра в желтой прессе статьи: «Девяностолетний старик погиб в пьяной драке, которую сам спровоцировал».

Юра подумал и возразил:

— Заголовок — плохой. «Которую» — вредное слово. Лишнее. Заголовки должны быть в телеграфном стиле. Чисто под Хемингуэя. Старик погиб в драке. Точка. Ниже, более мелким шрифтом: «Он сам спровоцировал свою смерть».

— Ты прав.

Юра проучился на факультете журналистики Московского университета полтора года и любил порассуждать на газетные темы. Единственная опубликованная им статья писалась в соавторстве со мной шесть лет назад. Тогда мы оба еще пребывали в статусе пылких девятиклассников, пытающихся как-то дерзнуть по жизни — еще по той, старой жизни при старых порядках.

— Хотя, — продолжил мой лучший друг, закидывая в рот пластинку дорогостоящей жевательной резинки, — я вряд ли доживу до девяноста. И вообще до старости. Да и не стремлюсь.

— Боишься старости?

— Нет. После тюрьмы я стал очень спокойный. Ничего не боюсь. Бояться — глупо. Чего ты боишься — то ты создаешь.

— Метафизика.

— Дурак! — со своей обычной мрачной горячностью произнес Юра. — Не метафизика, а объективная реальность, данная нам в ощущениях! Предположим, ты боишься, что тебя посадят в тюрьму. Кстати, извини, что я все время съезжаю на эту тему, на тюрьму, — просто она, сука, постоянно в голове сидит... В общем, ты что-то натворил. И боишься, что тебя посадят. Представил?

— Это легко, — искренне сказал я.

— Ты становишься напряженным. Лицо делается тревожным и злым. Оно привлекает внимание. Менты в метро все чаще проверяют у тебя документы, а если ты едешь на машине — обыскивают машину. Это тебя дополнительно

нервирует и бесит. В разговорах с приятелями ты начинаешь ронять многозначительные фразы типа «не дай бог закроют» и так далее. Слыша такие речи, знакомые тоже напрягаются... Стой!!! Тормози!!!

Я вздрогнул и ударил ногой педаль.

— Смотри, какая девчонка! — азартно выкрикнул Юра. — Тормози! — Дернув ручку, он приоткрыл дверь и попытался встать правой ногой на асфальт, но тут трафик слегка проредился, я тронул нашу железную черепаху дальше и возразил:

— Успокойся. Я тоже ее заметил. Натуральная блондинка с желтой сумочкой. Зачем ты ей нужен? Она спешит на работу или на учебу. Одета прилично — значит, папа с мамой не бедствуют. Или муж подкидывает... Такие ухоженные, как правило, замужем... Или при постоянном мужчине.

— Не факт.

— Спорим?

— С каких пор ты стал специалистом?

— Я полгода как женат.

— Но не на этой блондинке.

— Ты что, не рассмотрел ее глаза? Запавшие, а под ними темные пятна. Явно накануне зажигала в койке как минимум полночи...

— Если ей так хорошо, — запальчиво повысил голос друг, — тогда почему она в девять утра куда-то спешит, а не спит себе до полудня? На хрен нужен такой мужчина, который свою подругу выгоняет утром на работу...

— Может, он ей денег дал. И она спешит их тратить.

Юра задумался и возразил:

— Но не в девять утра.

— Ты хотел рассказать, — напомнил я, — как сделать так, чтобы ничего не бояться.

Юра с сожалением хлопнул дверью, и она задрезжала. Да и вся машина как бы сделала робкую попытку развалиться на составные части. Но не развалилась. Все-таки хороша советская техника, подумал я. Простая и дешевая в эксплуатации.

— Однажды среди твоих знакомых оказывается кто-то близкий к ментам, и вот уже куда следует идет информация, что такой-то — дерганный, подозрительный, весь на нервах. Так ты подсознательно делаешь свой страх реальным. Потом к тебе приходят, закоцывают руки в браслеты, а ты думаешь: «Ах, я предчувствовал»... А на самом деле — не предчувствовал, а создал! Поэтому, — Юра упер взгляд в мой висок, — всегда веди себя весело и расслабленно. Генерируй безмятежность! Не бойся. Лучше — мечтай. Любил мечтать?

Я улыбнулся. Университетский жаргон очень забавен. «Любил выпить пива?» «Любил сыграть в регби?» «Любил “Стенку” Алана Паркера?»

— Любил.

— Вот и мечтай.

— О чем?

— О том, что через каких-нибудь пятнадцать лет все вокруг изменится. Люди будут веселы и богаты. И мы в том числе.

Сам он не выглядел мечтателем ни в малейшей степени.

Я не считал его внешность красивой — но по-настоящему запоминающейся, тонкой. Неординарное лицо неординарного человека, лицо с медали, лицо с флорентийской фрески — оно отличалось необыкновенной живостью. Брови то по-мальчишески резко взлетали вверх, то нагружали глазницы, обнажая непреклонность характера, а рот поминутно ломался в гримасе презрения, когда верхний край губы устремляется вверх, поднимая ноздрю, и вдоль

крыла носа пролегает складка, или чаще наоборот, раздвигался в обаятельной улыбке.

Он любил улыбаться.

Гладкие щеки скудно снабжались кровью — я никогда не видел Юру румяным или раскрасневшимся, даже если мы играли в футбол. Впрочем, он не любил футбол.

Как всегда у необычных и сильных людей, выделялись глаза. Глубоко посаженные, иногда прикрываемые тяжело-ватными, с излишком кожи, чуть дряблыми веками, они часто бывали мутными и невыразительными, но в этом угадывалось нечто вроде маскировки; едва их обладатель начинал говорить, они загорались бешеной тысячемагваттной страстью. Взгляд прожигал собеседника насквозь, мгновенно. Он действовал кумулятивно, он валил наповал, и в результате даже самый цвет этих глаз я никогда не мог воспринять объективно. Серые? Зеленые? Голубые? — Бог знает. Они полыхали изнутри всеми красками спектра. Зраки безумца, чья бешеная воля не подавляет тебя, но демонстрирует наличие неких принципиально иных, величайшего накала напряжений и энергетик. Страшные зрительные яблоки гения, очертившего голову. Плающие великою бедой. Глаза титана, глаза полубога — то ли великого негодяя, то ли великого подвижника, — они пробивали дыру в ткани скучной повседневности.

Я умел выдерживать давление его взгляда.

Не только лицо — казалось, каждый мускул его тела непрерывно движется. То сгибается колено, то нога закидывается на ногу, то ладонь барабанит по бедру, то вторая ладонь отмахивает в такт произносимым словам; сигарета то зажигается, то заталкивается в пепельницу, выкуренная едва на треть; голова вертится чуть ли не на триста шестьдесят градусов; пальцы то сжимаются в кулаки, то хрустят, то ловко, звонко щелкают; челюсть терзает жвачку; спина

то распрямляется, то торчит унылым горбом — и все без единой паузы, без малейшей остановки.

Такова была вся его манера жить. Без малейшей остановки.

То же и с голосом. Иногда — особенно по утрам — скрипучий и севший, а в остальное время дня — высокий, хрипловатый, с резкими, почти мальчишескими модуляциями, иногда прыгающий в фальцет, в другие моменты опускающийся в многозначительный баритончик — голос звучал всякую секунду времени по-разному; клоунада мгновенно превращалась в трагический манифест и наоборот; грусть мешалась с издевкой, поэтическая печаль — с демонстративным, болезненным хамством.

Его рост превышал метр восемьдесят пять. Фигура — редкого атлетического типа, когда плечи безразмерны и жилисты, руки длиннейшие, мосластые, ключицы рельефны; шея длинная, но и очевидно крепкая; углом там торчал дерзкий кадык, иногда резво путешествующий вверх и вниз; отдельно выделялись, справа и слева, края шейных мышц, взбегающих к небольшим, аккуратно вылепленным ушным раковинам.

Длинноногий, узкий в поясе, он сейчас, в свои неполные двадцать два, олицетворял собой природную, взрывную силу, хранящуюся не в мускулах, не в каменных бицепсах, а в сухожилиях и нервах. Такие люди, может быть, и не умеют выжать рекордный вес в спортивном зале, но врага своего в решающий момент всегда поднимут над головой и грянут оземь.

Особый шарм его облику придавали кисти рук. Рожденный от инженера и университетской преподавательницы, он унаследовал изящнейшие интеллигентские запястья, узкие ладони и длинные, очень белые и худые пальцы. Ими бы ударять по клавишам «Стейнвея» или зажимать лады

на «Гибсоне», такими вот мизинцами и указательными, где сквозь прозрачную кожу светятся, едва уловимо, фиолетовые, тонкие кости.

Он, смешно, комплексовал насчет своих рук и несколько раз признавался мне, что желал бы иметь полноценные боксерские кулачища, здоровые и грубые, эдакие пивные кружки, волосатые лапы записного мачо, а вот поди ж ты — достались от папы с мамой консерваторские паучьи лапки...

Впрочем, обязательно добавлял он, в драке маленький кулак тоже неплох. Больнее режется в висок соперника.

Точно такой же комплекс мучил его насчет нижней челюсти. Она действительно могла показаться внимательному наблюдателю немного узковатой, и лицо в результате напоминало треугольник. Чтобы ликвидировать недостаток, мой друг непрерывно жевал резинку. По-моему, напрасно: все недочеты компенсировались рельефными скулами, идеальным римским носом и небольшим сухим ртом с опущенными вниз углами губ.

— Тормози, — опять сказал Юра и встревоженно заерзал на сиденье. — Ты что, не видишь? Мент махнул нам рукой.

— Его проблемы, — ответил я, продолжая давить педали, продолжая продвигать наш поскрипывающий и погромыхивающий агрегат от устья площади к выезду на Садовое кольцо. — Что значит «махнул рукой?» Если бы офицер милиции захотел меня остановить, он бы свистнул в свисток и сделал отмашку жезлом, после чего этим же жезлом указал бы мне место для парковки... Надо знать правила.

— Каким жезлом?! — воскликнул Юра. — Какие правила? Ты что, на Луне живешь? Или в Москве? Соберись и очнись! Мы попали!

Я и сам понял, что мы — попали. Действительно, инспектор махнул рукой. И я это заметил. И он заметил, что

я заметил. Однако я предпочел убедить себя, что ничего не случилось.

Моя, наша с Юрой (объективно говоря, на сто процентов Юрина), машина не являлась эталоном транспортного средства. В частности, отсутствовал задний номерной знак, не работал ручной тормоз, не функционировали фары ближнего света (кстати, и дальнего тоже), и габаритные огни, и фонарь заднего хода, и люфт на рулевом колесе превышал норму в пять или десять раз, и тормозной путь оставлял желать лучшего, и износ покрышек стремился к критической отметке, да и внешний вид хромал, учитывая царапины и вмятины справа и слева, на носу и на корме, — в общем, мы были те еще парни на том еще авто. Общение с инспектором не сулило нам радостей.

— Тормози, — повторил Юра. — Выходи и чего-нибудь скажи. Денег дай, и дальше поедем.

— У меня нет денег, ты же знаешь.

— Ты этим гордишься, да? — презрительно улыбнулся друг. — Деньги — у меня возьмешь. Иди, договаривайся...

Уязвленный ударом в самое больное место, я с неохотой остановил экипаж и вышел в ревущую, гудящую, утреннюю, гулкую, неуютную улицу. Сжимая в кармане стопку документов, двинулся навстречу судьбе. С той стороны судьбы в мою сторону шагал, энергично тараня пространство мощным животом, офицер Государственной автомобильной инспекции в чине то ли майора, то ли аж подполковника, — от волнения я не смог сосчитать точное количество звезд на его засаленных погонах, к тому же они были пришиты немного криво. Немного завалены назад. Когда-то у нас в казарме такие погоны старший прапорщик Олефиренко лично отрывал «с мясом».

— Ты чего, а? — выкрикнул майор, то ли аж подполковник, тут же добавив несколько очень крепких слов. — Ты

чего — вообще, а? Ты чего, не видел, как я тебе скомандовал, а?

Я не люблю хамов с детства и оскорблений никому не прощаю, даже людям в мундирах. Я разозлился и прямо сказал:

— Пошел ты на хуй! Чего орешь? Вот моя машина. Вот мои документы. Не ори.

Красная физиономия служивого — я годился ему в сыновья — вмиг набрякла, потом провисла, потом окаменела, потом налилась коричневой державной кровью, вплотную приблизившись по цвету к Кремлевской стене.

— Стоять на месте!!! — заорал он хриплым басом и жирной пятерней сильно толкнул меня в грудь. — Машину к осмотру!!!

— Пошел ты на хуй, — повторил я громко. — Вот мои документы, вот моя машина, вот я сам. Делай, чего тебе надо.

Дядька в погонах, петлицах, нашивках и значках, в сизом мундире и фуражке с изящно изогнутой тульей и замысловатой кокардой рассвирепел, схватил меня за воротник рубахи, рванул и ударил коленом в пах. Хотел пробить по яйцам. Но, ребята, мои яйца еще никто никогда не пробил, не родился такой, ни среди милицейских майоров, ни среди прочих слоев населения. Страж порядка повторил попытку, и еще раз — безрезультатно.

Сам я родился и вырос типичным холериком — такая психика, ничего не поделаешь. К тому же последний, послеармейский, год моей жизни прошел под знаком тотального безденежья. Я превратился в угрюмого малого с постоянно напряженными нервами и голодными резами в желудке.

Не далее как сегодня утром я застал свою жену тихо плачущей на кухне: спросонья разбила куриное яйцо, единственную и последнюю съестную субстанцию в доме,

и сидела, в одних трусах, на табурете, поджав к груди колени и уткнувшись в них мокрыми глазами. Закрывая за собой входную дверь (жене сказал «пошел на работу»; куда пошел? на какую работу?) — я сам едва не разрыдался. Недоедание способствует не только остроте мысли, но и остроте чувств. Именно теперь, летом девяносто первого года, в девять часов утра, под нависающим циклопическим утюгом сталинского билдинга — все дошло до края, до кризиса, и я стал орать что-то матерное прямо в лицо офицеру. Одновременно не забывая отражать ногами его удары. Руки держал опущенными вдоль туловища. Сдачи дать нельзя. Посадят.

В паре метров от нас дожидалась зеленого светофорного сигнала вереница машин, в том числе огромный грузовик, окутанный клубами черно-сизого выхлопа. В открытом окне его кабины маячила рябая морщинистая физиономия. Поймав ее взглядом, майор надсадно выкрикнул:

— Чего смотришь?! Помоги задержать опасного преступника!

О ком это он, подумал я.

Водила неохотно вылез — промасленный, угловатый, правая рука белая, левая — коричневая. Шоферский загар. Едва он — без особой, кстати, спешки — направился к месту задержания, как мне подоспела подмога. Возникший сбоку Юра атаковал несчастного сначала криком — «чего лезешь? чего суешься? а ну пошел отсюда!», — а затем длинной своей ногой отвесил бедняге мощный пинок.

В отличие от меня, облаченного в застиранные портки типичного охламона-лузера, Юра имел на себе белоснежный и невыносимо дорогостоящий спортивный костюм, руку отягощали золотые часы. Промасленный опознал хозяина жизни не только в служивом майоре, но и в моем друге, резко стушевался и отступил под защиту огромных задних колес собственной машины.

Тут в поле моего зрения впрыгнули еще не менее пяти фигур в форме. Проезжающий мимо патрульный экипаж обнаружил непотребную потасовку и принял решение пресечь. Вместо одного громко сопящего майора против меня выступило аж трое. Я немедленно скис. Меня ухватили под локти, пнули коленом в живот, сломали в поясе и навешали по физиономии.

Как обычно, самым болезненным прошел первый удар. Голова загудела, глаза на миг ослепли. Плюс — кратчайшая, кинжальная молния сильнейшего гнева. В такой момент животное, не мешкая, бросается в ответную атаку. Человек же — если он умный — наоборот, хитрит и медлит.

Ментовская кулачная агрессия показалась мне внешне акцентированной, на деле же — слабоватой. Погружающиеся в мою плоть натруженные кулаки пятидесятилетних служивых мужиков не нанесли особого ущерба. Перегруженные салом, неловкие, они не умели врезать всерьез, с разворота; не умели и попасть точно. Подбородок, виски и нос я уберег. Прошло везде мимо, вскользь. Моя проблема состояла только в том, что я не мог ответить.

Очень хотелось ответить, по бедрам и по ребрам, с левой и с правой, на максимальной амплитуде, по грудинам, в горла и челюсти, потом провести бросок, уложить заплывшего жиром чудака на горячий асфальт, зажать болевым приемом, с захватом ноги или шеи...

Наградив мою морду серией тычков, а зад — серией пинков, они споро поволокли меня к машине. Юру уже грузили на заднее сиденье. Запихивали деловито, словно мешок картошки. А когда втрамбовали внутрь — один из офицеров, самый толстозадый, придерживая рукой открытую дверь, несколько раз крепко саданул сапогом прямо в лицо правонарушителю.

Снаружи это выглядело жутко. Когда оно идет сапогом в лицо — это всегда жутко. Подошва ялового офицерского сапога тверда, а каблук, как правило, оснащен стальной подковой толщиной в монету. Херово, ребята, получить в торец таким армированным сталью каблуком. По лицу Юры хлынуло ярко-алое, но мой друг зачем-то решил оскалить зубы в кошмарной саркастической улыбке, — она сверкнула столь бешено и нагло, что каблук начальника, почти коснувшийся было земли, еще раз врезался прямо в ее центр.

Вылетела красная густая слюна.

Окрест места схватки рычали, гудели, дымились десятки самодвижущихся механизмов, грузовых и легковых. Многие сотни глаз наблюдали процесс задержания двух дерзких злодеев. Злодеи — красные, вспотевшие, в задравшихся надорванных шмотках, с окровавленными носами и кривыми разбитыми ртами, выкрикивали в пространство нечленораздельные проклятия и протесты, сплевывали на мостовую жидким и багровым, матерились, протестовали и дико вращали глазами. Сторонние же наблюдатели — водители машин, а также прохожие — помалкивали. Наслаждались и впитывали впечатления.

Уже горел зеленый сигнал светофора, а железная змея из нескольких десятков больших и маленьких агрегатов не двигалась: шоферюги глазели на то, как менты вяжут бандитов. Такие жадно, масляно блестящие, расширенные зрачки всегда можно увидеть в цирке, когда полуголая дрессировщица в ярчайшем вульгарном макияже тонким хлыстом укрощает облезлых тигров, страдающих от хронического недоедания.

Видит Бог — я никогда не мнил себя тигром. Какой я, на хрен, тигр? Но меня укротили, как того тигра. Деловито, сурово, демонстрируя хорошо отработанный навык.

...Отделение милиции — кто не знает — располагается тут же, в ста метрах от перекрестка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru